

Протоиерей
Валентин Свенцицкий

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Валентин Свенцицкий
Преподобный Серафим

Православное издательство "Сатись"

Свенцицкий В. П.

Преподобный Серафим / В. П. Свенцицкий — Православное
издательство "Сатись",

ISBN 5-7373-0072-2

По благословению Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II Ни в одном угоднике Божиим так не воплощается дух нашего православия, как в образе убогого Серафима, молитвенника, постника, умиленного, всегда радостного, всех утешающего, всем прощающего старца всея Руси.

ISBN 5-7373-0072-2

© Свенцицкий В. П.

© Православное издательство "Сатись"

Протоиерей Валентин Свенцицкий

Преподобный Серафим

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2006

* * *

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Храм Св. Панкратия

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Приступая к беседам о преподобном Серафиме, я испытываю чувство особого волнения...

И это не потому только так, что вновь как бы переживаешь все недавно пережитое при нашем паломничестве в Саровскую пустынь.

Да, все пережитое останется навсегда в нашей памяти. И при имени преподобного Серафима мы всегда будем ощущать особое движение души. Нам будет вспоминаться дорога в Саров, песнопения в открытом поле, Саровский лес, в котором жил преподобный, дорога, по которой ходил он, пустынь, источник, камень, на котором он молился. Нам будет вспоминаться и вновь будет охватывать нас то чувство радости и умиления, которое было пережито нами.

Но причина не только в личных воспоминаниях, она лежит в самом отношении к преподобному Серафиму каждого православного русского человека.

Из всех угодников Божиих преподобный Серафим как-то особенно близок нам. Это было всегда. А последние годы достигло необычайной силы.

Почему так близок нам преподобный Серафим?

Если хочешь узнать народ, смотри на него не тогда, когда он беснуется, а тогда, когда он молится.

Образ преподобного Серафима – это есть образ святости русского народа. Он близок нам так потому, что мы в нем чувствуем лучшее, что есть в самом русском народе. Преподобный Серафим – наш национальный русский святой.

Ни в одном угоднике Божиим так не воплощается дух нашего православия, как в образе убогого Серафима, молитвенника, постника, умиленного, всегда радостного, всех утешающего, всем прощающего старца всея Руси.

Он близок нам потому, что он кровь от кровей наших и плоть от плоти нашей. Он – это мы сами, но поднятые из грязи, очищенные подвигом, просветленные благодатью Божией. Он не только близок нам, он нам родной.

Так было всегда.

Но человек ценит и с особой силой чувствует то, чего ему не хватает. И святость преподобного Серафима стала особенно близка и необходима русскому народу в эпоху нравственного упадка. Ныне исполняются слова преподобного Серафима, сказанные им Мотовилову.

Оправдываясь, что до канонизирования для себя называет преподобного Серафима «угодником Божиим», Мотовилов говорит:

– Но о канонизировании великого старца никого не просил и не прошу, ибо сам он при жизни своей из уст в уста мои сказал и в сердце запечатлелись слова его, что «Господь не иначе воздвигает святых своих, заставляя Церковь свою канонизировать их, как только тогда, когда она в членах своих тяжело страдает каким бы то ни было нечестием.

Вот потому-то мы как бы вновь открываем мощи преподобного Серафима, как бы вновь прославляем их через 25 лет после причисления его к лику святых.

В наших беседах мы постараемся «всмотреться» в образ ныне вновь прославляемого нами угодника Божия. А в этой вступительной беседе хотелось бы сказать лишь о самом главном.

Основная черта духовного облика преподобного Серафима – его постоянное умиление, радость, веселость.

«Когда в сердце есть умиление, тогда и Бог бывает с нами»,

В сердце его всегда было умиление, потому и Бог всегда был с ним.

«Радость моя, что нам унывать. Погляди какой у нас собор-то будет, – при этом, бывало, поднимет ручки да и скажет: «Во, во, матушка, чудный собор. Вельми, матушка, чудный». И сделается при этом личико его необыкновенно светлое, благодатное, и станет он такой веселый и радостный, точно весь уйдет в небеса. Даже жутко станет глядеть на него.

С необычайной силой и ясностью это состояние благодатной радости нам открыто в одной из бесед преподобного Серафима с Мотовиловым. Вот в отрывках этот главный момент беседы.

– Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божьего. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро – суть средства для стяжания Святого Духа Божьего.

– Каким же образом, – спросил я батюшку о. Серафима, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

И когда Мотовилов не мог уразуметь ответа, преподобный Серафим взял его весьма крепко за плечи и сказал:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою, что же Вы глаза опустили, что же не смотрите на меня.

Я отвечал:

– Не могу смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лицо Ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли.

И далее преподобный Серафим спрашивал:

– Что же чувствуете Вы теперь?

– Необыкновенно хорошо.

– Да как же хорошо-то, что же именно-то?

Я отвечал:

– Такую тишину и мир в душе моей, что никаким словом-то выразить не могу.

И дальше:

– Что же Вы еще чувствуете?

Я отвечал:

– Необыкновенную сладость.

– Что же Вы еще чувствуете?

Я сказал:

– Необыкновенную радость в сердце моем.

И он продолжал:

– Когда Дух Божий приходит к человеку и осияет его полнотой своего наития, тогда душа человека преисполняется неизреченной радостью.

– Что же еще чувствуете Вы, Ваше Боголюбие?

Я отвечал:

– Теплоту необыкновенную.

Преподобный Серафим сказал:

– Состояние, в котором мы оба с Вами теперь находились, есть то, про которое сказал Господь: «Суть неции от здесь стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие пришедшее в силе», вот что значит быть в полноте Духа Святого.

Преподобный Серафим молился перед иконой Божией Матери «Умиление». И Владычица призвала его, наименовав высоким званием «сей из рода нашего»... Чувством умиления и радостного восторга так обильно наполнены и все пророческие слова преподобного:

«Небесная Царица, батюшка, – сказал он протоиерею Василию Садовскому, – Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима и во радость-то нам какая, батюшка. Матерь-то Божия неизъяснимой благодатью покрыла убогого Серафима.

“Любимиче мой, – рекла Преподобная Владычица Пречистая Дева. – Проси от меня чего хощеши”. – Слышишь ли, батюшка, какую нам милость-то явила Царица Небесная».

И угодник Божий весь так сам и просветлел, так и сиял от восторга:

– А убогий-то Серафим, Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка. И просил, чтобы все, все в Серафимовской пустыне спаслись бы сироточки, батюшка. И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченую радость, батюшка.

Мы читаем эти слова преподобного Серафима, и нам кажется, что мы слышим самый голос его, видим его живым пред собой. В белом полотняном балахоне, в кожаных рукавицах, в кожаных бахилах, поверх которых надеты лапти, в поношенной камилавке, с крестом на шее, которым благословила его родная мать.

И самих нас охватывает чувство умиления и радости, что не только жил когда-то среди нас угодник Божий преподобный Серафим, но что и ныне он живет среди нас, слышит молитвы наши, утешает нас, исцеляет и вразумляет.

Будем же с чувством благоговения и молитвенной радости внимать его словам и читать о его великих подвигах, молитвах и чудесах.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Не может мир относиться безразлично к святости. То злое, что есть в мире, всегда восстает против духовного пути, наипаче когда этот путь достигает таких высот, как в жизни святых. Не представлял исключения и преподобный Серафим Саровский. Не для того, чтобы вызвать осуждение, а для того, чтобы во всей полноте уяснить себе его подвижнический путь, мы должны в начале наших бесед о преподобном Серафиме Саровском со скорбью сказать подробно о тех тяжелых условиях, в которых протекала его подвижническая жизнь. Это важно и для нашего назидания. Нам надлежит коснуться тех монастырских условий, в которых протекала жизнь преподобного Серафима, ибо, уйдя из мира, уйдя в монастырь, в пустыню, все-таки не убежал он дыхания мирского, проникающего и за монастырские стены. Как говорит описатель жизни преподобного Серафима архимандрит Чичагов, ныне митрополит Серафим, «было бы несправедливо и исторически неверно, если бы мы промолчали о гонениях, которые претерпел отец Серафим».

Законы земли не могли измениться там, где жил такой великий и святой старец. Наоборот – враг человечества всегда возбуждает вражду окружающих против праведников с наибольшей силой.

Чем же соблазнялись окружающие, видя подвиги преподобного Серафима? Что соблазняло их в его личности?

Многое. Начиная с его одежды. Одежда преподобного Серафима описывается так:

«В продолжение всего подвижничества отец Серафим постоянно носил одну и ту же убогую одежду: белый балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы, вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенная камилавка».

Вот вам и соблазн осуждения. Мы поклоняемся ему, как преподобному, а там, небось, говорили: почему не как все, зачем этот балахон, зачем эти бахилы, почему не одевается так, как отец Иван или отец Петр?

Некто вошел в церковь, дабы увидеть преподобного Серафима, а обедня еще не начиналась.

– И вот, – говорит он, – увидел я его, до ранней еще обедни придя в церковь: Серафим сидел на правом клиросе на полу. И братии казалось каким-то странным чудачеством: почему не как все, почему уселся на полу? И так до всего было дело этому мирскому духу.

Когда преподобный Серафим удалился в пустыню, стали смущаться монахи мыслью: почему это он не ходит из своей пустыни причащаться в монастырь, хотя, как говорит описатель жизни, ни на минуту никто не сомневался, что он без вкушения Тела и Крови не оставался, т. к. кто-то, но тайно от других, приходил со Святыми Запасными Дарами и причащал преподобного. Но вот почему не так, как все, молится, почему не так, как все – подвизается, почему не ходит в монастырь причащаться из своей пустыни и затвора?

Собрали монастырский собор и постановили: предложить отцу Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами по-прежнему, в обитель по воскресным и праздничным дням для Причащения, или же если ноги не служат, то навсегда бы перешел жить в монастырь из пустыни. Когда первый раз принесший ему пищу послушник передал это постановление, Серафим ничего не сказал. Тогда было приказано вторично передать его преподобному Серафиму. И тогда преподобный Серафим молча последовал за послушником, исполнив смиренно требование братии. Но он пришел в монастырь после пятнадцати лет пребывания в пустыни для того, чтобы уйти в затвор. Ему продолжали приносить Причастие в келью. Преподобный Серафим жаждал уединения в лесу и потому испросил разрешения у игумена, чтобы ему было позволено из затвора, по мере надобности, уходить в ближнюю пустынь. И опять начался ропот среди братии: в церковь не ходит причащаться, а в пустынь за две версты ходит. Дошло дело до епископа Тамбовского. Епископ прислал указ, чтобы преподобный Серафим ходил в Церковь для причащения Святых Таин. Ему говорили: ты всех учишь. Преподобный Серафим смиренно на это отвечал:

– Я следую учению Церкви, которая повелевает – не скрывай словес Божиих, но возвещай Его чудеса.

Другой осуждал: «Зачем он всех, кто к нему приходит, помазывает маслом из своей лампы?» Третий говорил: «Зачем ты в такое рубище одеваешься?» – И ему ответил преподобный Серафим:

«Иосаф царевич данную ему пустынною Варлаамом мантию считал выше и дороже царской багряницы».

Но это все было ничто по сравнению с теми нападениями, которые пришлось пережить преподобному Серафиму из-за Дивеевских сестер. Описатель жизни говорит: «Вражда не оставляет человека в покое до самого гроба, поэтому преподобный Серафим во многих возбуждал злобу и зависть. Слова осуждения сказал ему на этот раз игумен Нифонт. Преподобный смиренно поклонился в ноги, но строго сказал игумену, что не подобает ему делать такие замечания. Произвели обыск.

«Раз пришло нас семь сестер, – говорит сестрица Ксения Кузьминишна, – к батюшке, работали у него целый день, устали и остались ночевать в пустыни. Часу эдак в десятом увидела наша старшая из окна, что идут по дороге с тремя фонарями прямо к нам. Догадались мы, что это казначей Исаия, и поскорее навстречу, отперли мы дверь. Вошли они, не бранили ничего,

оглядели нас, зорко и молча чего-то искали, и приказали нам тут же одеться и немедленно идти прочь».

Преподобный Серафим относился к этим нападкам, как и должен был относиться: с великим смирением, с великим терпением, но умел, когда это находил нужным, и дать надлежащее назидание. Не только так, как это сделал с Нифонтом, которому прямо сказал, что не надлежит ему делать таких замечаний, была и другая форма этих назиданий, она столь характерна для преподобного Серафима, что я позволю себе сделать большую выдержку, рассказав все это происшествие словами самой монахини Евпраксии, которая была действующим здесь лицом.

– То всем уже известно, – говорит монахиня Евпраксия, – как не любили саровцы за нас батюшку, даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много, много делая ему огорчений и скорби. А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся и часто сам, зная это, шутил над нами.

И далее передает одну из таких «шуток» преподобного Серафима:

«Пришла я однажды, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насили сам ее с гробика-то поднял и говорит:

– Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся.

Что это, думаю, батюшка-то, всегда бывало сам посылает меня мимо конного двора, задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение да на скорбь святыми воротами посылает. А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот были. Саровские игумен и казначей с братией больной скорбели на батюшку, что все дает де нам, и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали.

Ослушаться батюшку я не смела и пошла сама не своя и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я это к воротам, читаю молитву, солдаты-то двое сейчас тут же меня за шиворот и арестовали.

– Иди, – говорят, – к игумену.

Я и молю-то их, и дрожу вся, не тут-то было.

– Иди, – говорят, да и только.

Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом, он был строгий, батюшку не любил, а нас еще пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все, а там – старые лапти, корочки сломанные, трубки да камни разные, и все-то крепко так упихано.

– Ах, Серафим, Серафим, – воскликнул Нифонт, – глядите-ко, вот ведь какой, сам-то мучается да и Дивеевских мучает, – и отпустил меня.

Так вот в другой раз пришла к батюшке, а он мне сумку дает: ступай, говорит, прямо к святым воротам. – Пошла, остановили же меня и опять взяли и повели к игумену. Развязала суму, а в ней песок да камни. Игумен ахал-ахал, да отпустил меня. Прихожу, рассказываю я батюшке, а он и говорит мне:

– Ну, матушка, теперь в последний раз ходи и не бойся. Уже больше трогать вас не будут.

И воистину, бывало идешь, и в святых воротах только спросят:

– Чего несешь?

– Не знаю, кормилец, – ответишь им. – Батюшка послал.

Тут же пропустят».

Когда преподобный Серафим жил в пустыни, это вызывало не только смущение мирское в смысле злых нападений на него, было и другое. – «Отче, – спросил инок, – говорят некоторые, что уединение от общежительства в пустыню есть фарисейство, что этим оказывается пренебрежение к братии или еще бросается на нее осуждение».

Преподобный Серафим ответил:

– Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества, это не из ненависти к нему, а больше для того, чтобы мы поняли, что носим на себе чин Ангельский, которому не место быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог.

И вот, с одной стороны, монастырь – с просачивающейся туда суетой мирской и с этими суетными вопросами: зачем делаешь то и зачем делаешь это, зачем мажешь маслом, зачем носишь бахилы, зачем принимаешь сестер? А с другой стороны – Саровский лес, который и до сих пор ограждает от здешнего бесовского мира, великая пустыня, молчание, уединение и молитва.

Что оставил за собой преподобный Серафим, уйдя в Саровскую пустынь?

Он оставил хорошую благочестивую семью, оставил детские воспоминания, в которых такое место должно было занимать явление ему Божией Матери, исцелившей его болящего. Он оставил там и мать свою любимую, благочестивую. На всю-то жизнь запечатлелось у него, как она благословляла его тем медным крестом, который потом он всю свою жизнь носил поверх своего белого балахона.

Оставил он и путешествие свое в Киев, все там виденное и слышанное, что дало ему окончательный толчок и определило его жизненный путь. В сердце его запечатлелись так укрепившие его слова старца, которые и мы да запечатлеем в своем сердце:

«Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение с помощью Господа. Тут скончаешься ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге через непрестанное призвание имени Божия так: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”. – В этом да будет все твое внимание и обучение. Ходя, и сидя, и делая, в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём. С ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте».

Как исполнил завет сей преподобный Серафим, об этом свидетельствует вся его подвижническая святая жизнь.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В первой беседе нашей о преподобном Серафиме Саровском мы говорили, что особенно близким, особенно родным стал сей угодник Божий именно за последние годы, как будто бы снова душа русского народа открывает преподобного Серафима. Далее, во второй беседе нашей, мы говорили о тех трудностях, которые на пути своем встретил преподобный Серафим в условиях монастырской жизни, куда и за монастырские стены как бы просачивался тлетворный мирской дух.

Все время он, как живой, стоит перед нами, согбенный старец, с топориком, с сумой за спиной, в своих бахилах, в своем белом балахоне с медным крестом на груди. Но преподобный Серафим не всегда был старцем, он пришел в Саровскую пустынь юношей, послушником Прохором, двадцати лет.

Вот описание его внешности: высокий ростом, несмотря на подвиги, полное, покрытое приятной белизной лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и пронизательные, густые брови и светло-русые волосы.

Мы видим его смиренно совершающим подвижнический, послушнический путь – сначала в келлии устроителя монастыря, а потом, последовательно, в хлебне, в просфорне, в столарной. Впоследствии он несет послушание будильщиком.

В этих совершенно житейских хозяйственных условиях монастырской жизни он ведет себя так, как надлежало будущему подвижнику: с великим терпением, с великим смирением и с великим послушанием.

Современные послушники, которые удалялись в пустыню из ревности к исполнению обетов монашеских, с какой скорбью они говорят о трудностях духовной жизни при исполнении хозяйственных монастырских послушаний. Я помню, как один из таких пустынножителей говорил:

– Как только в монастырях заметят особую ревность в послушнике, то, точно назло, его посылают куда-нибудь в самое суетное место хозяйственных монастырских дел.

Да, труден путь послушания, но из жизни преподобного Серафима мы видим, что истинный подвижнический дух в послушнике всегда приведет к желанной цели. В этой первой главе жития преподобного Серафима мы видим, как закладывался фундамент в его духовной жизни. Раньше других он приходил в храм, он стоял в храме с великим вниманием, очи опускал долу, чтобы не развлекаться внешними впечатлениями; последним уходил из храма, как бы все время стараясь еще задержаться, еще побыть там. Он не бежал поскорее из храма, на том или другом формальном основании. Нет, ему хотелось побыть здесь подольше. Преподобный Серафим нес с полным смирением все возлагаемые на него послушания. В то же время он испросил разрешение, чтобы в часы свободные ему разрешили уходить в лес для уединенной молитвы. В лесу он делал себе некую кущу и пребывал там в эти уединенные часы в полном одиночестве. Он постоянно читал творения святых отцов, пел псалмы, читал Слово Божие.

Преподобный Серафим всегда был в труде. Вы помните, как сказал игумен Нифонт:

– Ох, Серафим, Серафим, ты себя мучаешь и другим тоже покоя не даешь.

Преподобный Серафим не давал себе покоя: однажды он был застигнут носящим тяжелые камни, которые он перекладывал с места на место. В сумке своей он носил камни и песок. В послушнические годы он всячески стремился к труднейшим физическим работам. Он ходил на порубку леса, работал не покладая рук, всячески умерщвлял плоть свою этими подвижническими трудами. Здесь же определилось и стремление его к пустынножительству. С благословения старца Иосифа он все чаще оставлял монастырь, уходил в лес для уединенной молитвы. В это время молитвенным его правилом было правило:

«Еже даде Ангел Господень великому Пахомию».

Правило Великого Пахомия – это есть: Трисвятое, Отче наш, Господи помилуй двенадцать раз, Слава и ныне, Приидите поклонимся, псалом пятидесятый, Помилуй мя, Боже, Верую, сто раз молитва Иисусова, Достойно и отпуст.

Это правило очень короткое, но, по Пахомию Великому, его надо творить каждый час, т. е. двадцать четыре раза в сутки и днем, и ночью.

В это же время преподобный Серафим делается и постником, и во дни своего постничества он уже не вкушает ничего в среду и в пятницу и в посты вкушает один раз, также вкушает один раз в те дни, когда нет поста. Спит он в это время три часа ночью и потом несколько днем.

Таково было начало подвижнического пути преподобного Серафима. Но в этом пути было то, что сподобило его благодатного явления к нему Божией Матери, исцелившей его от тяжкого недуга. Он захворал, появляется на больном теле его опухоль, его готовили к смерти. Но преподобный Серафим обращается с просьбой, чтобы его не лечили, чтобы отслужена была всенощная и литургия с вознесением молитвы ко Господу о его выздоровлении и чтобы ему дали причаститься Святых Таин.

«Я предал себя, отче святой, истинному врачу души и тела – Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством».

И вот старец Иосиф отслужил о здравии его всенощное бдение, литургию, и выздоровел преподобный Серафим.

Впоследствии он рассказал об этом своем выздоровлении Ксении Васильевне, монахине Капитолине, следующее:

– После причащения Святых Таин явилась Пресвятая Дева Мария в несказанном свете с Иоанном Богословом и Петром, и оборотясь лицом к Иоанну Богослову и указывая на Прохора, сказала: «Этот нашего рода». – Правую-то ручку, радость моя, положила мне на лоб, а левой-то ручкой держала жезл и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима.

В 1786 г. Прохор был пострижен в иноки, а в 1787 – в иеродиаконы. На этом пути послушничества были свои искушения у преподобного Серафима.

Какое же искушение первое встречает на пути своем инок?

Это есть искушение уныния, скуки, является мысль, что зря тратит свои молодые годы, что жизнь идет, наслаждения уходят. Вспоминается оставленное довольство, вспоминаются прелести мира, привязанности, дом отчий и мать и родные, и впадает инок в уныние, в тоску.

«С духом печали неразлучно действует и скука. Скука нападет на монаха около полу-дня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и место жительства, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба».

И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного оставится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром. Сам демон, если не может извлечь монаха из кельи, то начинает развлекать его ум во время молитвы и чтения.

«Это, – говорит ему помысл, – лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок». И это всегда делается для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным. В сих иноках мы и себя узнаем, живущие в миру. Так же, как инока, по словам преподобного Серафима, гонит этот демон скуки и уныния к тому, чтобы заполнить свою пустоту души пустословием. Не он ли гонит в кинематографы, на гулянья, в гости?

На духу спросила меня одна девушка, как ей быть, она все время ходит вечером и гуляет по Сретенке, а когда возвращается, то мать ее ругает. И спросил я ее: «А разве вам не противно ходить по Сретенке?» И удивилась она сему вопросу. А через некоторое время спрашивает меня: «Помните, как вы спросили меня, не противно ли мне ходить по Сретенке?» – «Помню», – говорю. – «Так мне противно теперь».

Вот то состояние, которое все знают, не будучи ни подвижником, ни монахом. Но в монашестве нападение врага особенно сильно, особенно страшно.

Чем же защищаться от злых нападений?

«Болезнь сия, – говорит преподобный Серафим, – врачуется молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением Слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия, ибо, по его словам, также сказанным впоследствии, уединение, молитва, пост и послушание – суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо». – Вот почему, по словам матушки Капитолины, батюшка велел больше всего бояться, бегать, как от огня, и храниться от главнейшего – уныния.

«Нет хуже греха, матушка, и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния», – говорил батюшка Серафим. Поэтому и приказывал всегда быть не только сытой и кушать вволю, но и на труды брать с собой хлеба:

«В кармашек-то свой и положи кусочек, – говорил он, – устанешь, умаешься, не унывай, а хлеба-то и покушай, да опять за труды». Даже на ночь под подушку приказывал он класть хлеба: «Найдет на тебя уныние да раздумье, матушка, – говорил отец Серафим, – а Вы хлебушка-то выньте да и кушайте, уныние-то и пройдет, хлебушек-то и погонит его, и сон после труда вам хороший даст он, матушка».

На этих первых ступенях своего духовного подвига преподобный Серафим сподобился также благодатных даров, которые открываются лишь на самых последних ступенях духовного совершенства.

В первые годы иеродиаконства он сподобился видеть при Богослужении Ангелов, блиставших, как снег, молниеносных видом:

– Вид их был молниеносен, одежда белая, как снег, или златотканная, пение их передать невозможно.

А состояние духа преподобного Серафима было таково в это время по его словам:

«Сердце мое, яко воск, тая от неизреченной радости, и не могу сказать в теле или кроме тела был я, не только помнить не могу, как входил в святую Церковь, да выходил из нее».

И вот что случилось, какого великого он удостоился видения. В Великий Четверг служил он литургию и после малого входа и возгласа: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны...» – он, обратясь к народу, повел на предстоящих орарем, возглашая: «И во веки веков», – как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Два иеродиакона ввели его в алтарь. Простоял он три часа. После он рассказывал об этом так:

– Только что провозгласил я, убогий: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны», и, наведя орарем на народ, dokonчил: «и во веки веков», – вдруг меня озарил луч, как бы солнечного света, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа в образе Сына Человеческого, в славе, неизреченным светом сияющего, окруженного Небесными силами: Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным и от западных Царских Врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде, Господь благословил служащих и предстоящих, по сем вступив во Святой местный образ Свой, что по правую сторону Царских Врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю Церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился от Него особенного благословения, сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно в сладости любви ко Господу».

Преподобный Серафим о духовном пути сказал однажды настоятелю монастыря Никону:

– Смотри, напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце: учись умной сердечной молитве, как учат святые отцы в Добротолюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу. К обыкновенной Иисусовой молитве добавляй: «Богородице, помилуй мя». Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутренней, не монахи, а черные головешки.

Преподобный Серафим научает нас и на этих первых пройденных ступенях послушничества, как нужно начинать духовную жизнь. «Надо уйти от мира». Это завещание, которое оставил он нам. Может быть сейчас и места найти нельзя, где бы можно было предаваться уединению. Но все же этот призыв к уединению и к внутреннему уходу от мира стоит перед нами во всей своей силе.

Эти первые годы научают нас тому, что этого достигнуть нельзя единым актом воли, что здесь требуется подвиг всей жизни, здесь требуется смирение, здесь требуется тот послушнический путь, которым шел и преподобный Серафим. Для нас, может быть, ни для кого не лежит путь в монастырь, но все, кто хочет спастись, жить с Господом, служить Ему, кто хочет жить духовной жизнью, – для всех дорога одна – это дорога от мира в пустыню, в духовный внутренний затвор.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Все по иному освещает и определяет учение Спасителя по сравнению с так называемой мирской моралью, мирским законом, мирской мудростью. И способ борьбы за истину, указанный Спасителем, совершенно иной. В миру ведется борьба внешними оружиями, внешними путями. Спаситель указывает пути иные, внутреннее сопротивление, преодоление зла силой

любви, силой духа, молитвой, добродетелями и никак не этими внешними, лишь разжигающими большую злобу, большее зло, оружиями мирскими.

Преподобный Серафим дал нам образец этого Господом указанного пути для борьбы со злом.

Мы видели, с какими внешними препятствиями и нападениями встречался преподобный Серафим на пути своей великой подвижнической жизни. И хотя и наибольшей силой и злобой все эти мирские препятствия, отправляющие монастырскую жизнь, предстояли в конце его великого служения (он усматривал в этом даже признаки близкой своей кончины), но и на первых ступенях подвижнической жизни все это мирское и суетное, хотя и по-иному, но с неменьшей силой, старалось помешать его подвигам.

Преподобный Серафим боролся, но не внешними мирскими оружиями. Разве на клевету он отвечал свидетельскими показаниями? Разве на злобное посягательство на его заботы о Дивеевских сестрах он отвечал обращением к суду? И разве, когда речь шла о неправильном якобы помазании из лампады, он отвечал спором?

Все то он опровергал не внешней борьбой, а усилением своих подвижнических трудов. Посему эта борьба была для врага неравная, ибо на злословие о помазании из лампад, он отвечал тем, что это помазание исцеляло больных, на клеветы о Дивеевских сестрах он отвечал тем, что сделался старцем всей России. Этот путь подвижнической борьбы запечатлен для нас примером преподобного Серафима.

Но бывает такое положение, когда человек должен уйти от зла, и преподобный Серафим дал нам образ и такого ухода в пустыню.

Необходимо великое терпение, и великое послушание, и великая любовь, и в то же время указывается как правильный путь и возможность ухода от зла – ухода, совершенного преподобным Серафимом в дальнюю пустыню, отстоящую не так далеко от монастыря, всего в шести верстах, но тем не менее дававшую ему возможность, в смысле внутренней жизни, совершенно отделиться от всего того, что препятствовало его духовной жизни.

Предшествовала такому решению смерть настоятеля Пахомия и тяжелая болезнь самого преподобного Серафима.

От постоянной молитвы у преподобного Серафима стали болеть ноги. Болезнь мешала ему священнодействовать. Все это, говоря по-человечески, несчастье – явилось толчком для скорейшего осуществления внутреннего решения.

Так часто скорби и немощи, по милости Божией, по Его Святому Промыслу, делаются источником великих духовных для нас благ.

Пустынничество на пути внутреннего духовного развития преподобного Серафима явилось необходимым условием дальнейшего совершенствования, но внешним толчком, одной из существеннейших внешних причин была невозможность по болезни ног совершать церковное священнодействие.

Здесь, в пустыне, преподобный Серафим сразу попал именно в те вожделенные условия, к которым стремилась его душа: он попал в темный лес, за зеленую стену, заграждавшую его от монастыря, он как бы вновь ушел еще раз от мира, от которого бежал, уходя в монастырь, и с которым все же вновь встретился в монастыре.

В этих местах уже жили тогда некоторые подвижники: Назарий, иеродиакон Дорофей, схимонах Марк.

Тут была река Саровка, тут были холмы, заросшие густым лесом. Преподобный Серафим наименовал их названиями, взятыми из слова Божия. Вот Афон-гора, вот Иерусалим, вот Вифания, здесь Иордан, и все это напоминает преподобному Серафиму те места, где или спасались подвижники, или где жил Сам наш Господь Иисус Христос.

Такова была атмосфера, таков дух этой новой жизни.

Можно ли сравнить с шумным монастырем? Здесь Божественная красота природы, которую он зрит своими очами, здесь святое уединение, которое не развлекает, а дает силы сосредоточения на внутренней жизни, здесь все напоминает ему святые места, где жил Господь.

Но и в пустыню начинают приходить люди. Это не могло не смущать его, особенно когда начали приходить женщины. В то время, когда преподобный Серафим подвизался в пустыне, он был еще очень молод, и опасность соблазна плотского для него, девственника, заключалась в том, что внутреннее пламя, которое он возжег перед Господом, могло потухнуть от воспламенения сих страстей. И для того, чтобы обезопасить себя от этого, он возымел намерение, чтобы был воспрещен ход к нему на гору женщинам.

Прежде чем решиться обратиться с такой просьбой о запрещении к настоятелю монастыря, он обратился к Господу, чтобы Господь дал ему знамение – угодно ли Господу его желание.

С дерзновенным ходатайством о знамении обратился он к Господу.

И вот на Рождество возвращался из монастыря после богослужения преподобный Серафим к себе в пустыню, а на следующий день вновь пошел в монастырь. И когда он вышел, он увидел, что ветви деревьев преклонились и завалили дорогу к нему на гору. Сие знамение дало ему твердость обратиться к настоятелю монастыря. Преподобный Серафим за литургией обратился к Исаии:

– Батюшка, – сказал преподобный Серафим, – отец настоятель, благослови, чтобы на мою гору, на которой живу, не было входа женщинам.

А настоятель должен был читать молитву предложения по перенесении Святых Даров на Престол и ответил на это с неким раздражением:

– В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!

– Теперь-то и благослови, батюшка, – просил преподобный Серафим.

– Как же я могу, – сказал строитель, – за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа на твою гору.

– Вы только благословите, батюшка, – сказал преподобный Серафим, – и никто уже из них не войдет на мою гору.

Нечего делать, говорится в жизнеописании преподобного, подали образ Пресвятой Богородицы «Блаженное Чрево», и старец отец Исаия, благословляя отца Серафима, сказал:

– Благословляю, чтобы не было женам входа на твою гору, а ты сам охраняй.

Так было дано благословение преподобному Серафиму, дабы не входили на гору женщины. И вот началась там, в пустыне, подвижническая жизнь, молитва, песнопения, великие внутренние борения, великие духовные труды.

Мир считает эту жизнь эгоистичной, называет ее самоспасением, говорит, что здесь нет любви к людям, желания принести им пользу.

Какое ужасающее непонимание!

Подвижник душу свою посвящает Господу, отдает Ему ее. Ты, Господи, Сам распорядись душой, а я буду трудиться, чтобы отдать ее достойной Господа. Такую душу ведет Господь и Сам, когда это нужно, выводит на путь служения людям.

Преподобный Серафим не был юродивым, хотя и имел некоторые черты внешнего сходства с юродствующими.

Путь юродства один из труднейших, и преподобный Серафим предостерегал от самочинного вступления на него. Когда приходили к преподобному просить благословения юродствовать, он не только не давал благословения, но с негодованием говорил:

– Кто берет путь юродства на себя без особого звания Божия, все в прелесть впадают: из юродивых едва ли один отыщется, чтобы не в прелести находился, и погибали или вспять возвращались. Старцы наши никому юродствовать не позволяли. При мне только один обнаружил юродство, запел в церкви кошачьим голосом; старец же Пахомий в ту же минуту прика-

зал юродивого вывести из церкви и проводить за монастырские ворота. Три пути, на которые не должно выходить без особого звания: путь затворничества, юродства и путь настоятельства.

Вот как относился преподобный Серафим к желающим юродствовать. Нам надо это особенно запомнить, дабы всегда относиться с особой осторожностью ко многим легкомысленным и самочинно дерзающим изображать из себя «юродивых» в наше время. Первый вопрос, который для проверки должен быть предложен юродивому, заключается в том, с благословения ли духовника он вступил на этот путь. И если самочинно, тогда все вышеприведенные слова преподобного Серафима непременно относятся к нему. В пустыне, кроме молитвенного подвига, начинается и другой подвиг – строжайший пост.

Преподобный Серафим был великий молитвенник и столь же великий постник.

Он вкушал сначала один хлеб, потом одни овощи, а в некоторые дни не вкушал пищи совсем.

Перед смертью вот что он открыл одной рабе Божией:

– Ты знаешь снитку. Я рвал ее да в горшочек клал, немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье.

Я спросила его о снитке, что это значит. За притчу ли это принять или это действительное. Он отвечал: «Экая ты, экая. Разве не знаешь травы снитки. Я это тебе говорю о себе самом».

Я просила его, как зиму он ее кушал и где брал. Он отвечал: «Экая ты какая, на зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялись, чем я питался. А я снитку ел. И о сем я братии не открывал, а тебе сказал». Я спросила, а долгое ли время он кушал ее. Он дал мне точный ответ и на это, но я забыла, без скольких дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более двух с половиной лет неотступно питался одной сниткой.

Преподобный Серафим считал, что учить других легко, так же легко, как бросать с соборной колокольни саровской камни, а самому исполнять то, чему учим – так же трудно, как эти камни поднимать на колокольню.

Но преподобный Серафим имел право учить: его труды, его пощение давали ему это право. Вот что говорил он после:

– Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного, прогневаем Господа и не храним постов. Ныне христиане разрешают на мясо и во Святую Четыредесятницу, и во всякий пост. Среды и пятницы не сохраняют, а Церковь имеет право: не хранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует.

Некто спросил преподобного Серафима:

– Можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное?

Преподобный отвечал:

– Хлеб и вода никому не вредна.

Преподобный Серафим в пустыне имел особые искушения, отличные от тех искушений, которые были, когда он проходил путь послушнический. Там были уныние, тоска и скука, а здесь то, что называется на языке святоотеческом «страхованием».

Это чувство во время молитвы иногда вызывается явными нападениями зверей, подобием врывающейся толпы и всевозможными иными устрашениями. Преподобный Серафим, силой молитвы и благодати Божией, все сие преодолел и стяжал особую силу видеть бесов. Так один мирянин, в простоте сердца, спросил:

– Батюшка, видели ли Вы злых духов?

И отвечал преподобный Серафим с улыбкой на эту простоту:

– Они гнусны; как на свет Ангелов взглянуть грешным невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны.

Ко времени, когда уже преодолевает преподобный Серафим искушение «страха», начинается его величайший подвиг в пустыне: молитва на камне. Тысячу дней и ночей молился преподобный Серафим, стоя на камне с воздетыми руками, и творил молитву:

– Боже, милостив буди мне грешному.

Не дерзаем, не дерзаем представить себе то состояние духа подвижника, каковое было в этих его великих трудах, но умиляемся и благоговеем. Некто удивился, как мог он поднять этот труд, и сказал: «Не мог бы ты это сделать без помощи Божией». Преподобный Серафим смиренно ответил:

– Без помощи Божией сие было бы невозможно.

Ничего не мог сделать враг изнутри. Тогда начинается нападение извне. Три грабителя приступили к нему в лесу, требуя денег. «Мирские люди ходят к тебе, – говорили они. – Значит, у тебя деньги есть». Преподобный Серафим был силен, мог бы защищаться так, как защищаются в миру, но он решил все претерпеть во имя Господа и принял страшные побои и истязания, с проломленной головой, истоптанный ногами, едва добрал из пустыни в монастырь. Его окружили заботами, вниманием, начали лечить, но дух его обращался к Единственному Врачу, Которому он всегда служил и в монастыре, и в пустыни. И сей Врач исцелил его: вновь видит он явившуюся ему Божию Матерь во сне, и говорит Она, обращаясь к этим всем хлопочущим вокруг преподобного Серафима людям:

– Что вы трудитесь?

И вновь подтверждает:

– Сей от нашего рода.

После видения преподобный Серафим начал выздоравливать. Осталась у него после тяжких побоев только еще большая согбенность, еще больше тело его склонилось долу. Но это испытание еще больше подняло дух его горе. В это время впервые открывается в преподобном Серафиме благодатный дух прозорливости. Когда мы читаем о подвигах преподобного Серафима, мы испытываем чувство великой радости и отрады. Жаль отрывать от страниц его жития. Жаль, что чтение подвигается к концу. Хочется подольше побывать в лесу Саровском.

Ведь мы все так устали от вражды, от забот, от мирской суеты. Измученному и усталому человеку хочется припасть и напиться освежающей влаги. Вот именно такая благодатная освежающая влага для души нашей и есть труды и подвиги преподобного Серафима.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Кому из вас в минуты усталости или душевных огорчений не грезился лес, и тишина, и уединение, где мы могли бы отдохнуть душой. Но эти грезы о тишине и отдыхе не имеют ничего общего с тем стремлением к лесу, уединению и тишине, которое живет в душе подвижника.

Если измученного мирского человека, мечтающего об уединении, оставить с самим собой не на один месяц и не на один год, а на пятнадцать лет, какой ужас создается у него в душе.

Уединение, безмолвие, молчание и затвор – это есть величайший подвиг и нельзя смотреть на него как на уединенное отдохновение. Оставшийся с собой человек, если его внутренняя жизнь не заполняется горним, будет охвачен тоской, унынием, перед ним раскроется лишь вся пустота его души, и это сделает ему невыносимым пребывание наедине лишь с самим собой. Не от этой ли тоски, не от этой ли скуки и пустоты душевной так стремятся люди к мирской суете, которая, с одной стороны, доводит до изнеможения, а с другой, является для них, при их внутренней пустоте, совершенно необходимой.

Преподобный Серафим был избранник Божий, он был подвижник от самых своих юных лет. Его путь лежал через молчание и затвор. Если каждый человек, оглядываясь на прошлое, видит, что ведет его Господь ко спасению, то наипаче явственно это видится на судьбах вот таких избранников Божиих, каким был преподобный Серафим. Путешествие в Киев, беседа со

старцем, подвиг паломничества – все это некий путь к тому высшему подвигу затворничества, к которому он смиренно приготавливался в своих первоначальных трудах, как послушник, как иеродиакон, как иеромонах.

Мы видели уже, что преподобный Серафим удалился в пустыню, отстоящую недалеко от Сарова. Мы знаем, с каким терпением, с каким великим терпением нес все послушания монастырские преподобный Серафим. Мы со скорбью видели и те следы мирской жизни, которые, проникая и в монастырь, делали этот путь послушания и жития в монастыре Саровском скорбным для преподобного Серафима, и как он, наконец, удалился в эту пустыню. Но это было лишь преддверием к подвигу молчаливчества. Мы знаем, что был внешний толчок, побудивший уйти преподобного Серафима в пустыню.

Пусть он внутренне созревал для этого постепенно, переходя от силы в силу, но внешним толчком ухода явилась его болезнь. Так был некоторый толчок и для того, чтобы в пустыне предаться подвигу молчаливчества, это была смерть настоятеля.

По преклонному возрасту своему старец Исаия сложил с себя обязанности настоятеля, но не мог жить без бесед с преподобным Серафимом, и его из монастыря возили на тележке в пустыню. Смерть старца Исаии была великой скорбью и для преподобного Серафима, он в нем имел того именно собеседника духовного, о котором многократно, по разным поводам, говорил после, советуя своим чадам иметь друзей.

И вот непосредственно в связи с этим событием вступает преподобный Серафим на путь новых великих подвигов.

Вот что говорит преподобный Серафим о молчаливчестве:

– Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо, говорит святой Амвросий Медиоланский, молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же ни единого. И паки некто из старцев говорит: «Молчание есть таинство будущего века, словеса же орудия сущего мира».

Так высоко оценивает значение молчаливчества преподобный Серафим. От этого многоглаголения, которого, конечно, так много было и в монастыре, от этого многоглаголения стремился он уйти сначала в пустынь, а потом и в молчаливчество.

«Молчание есть таинство будущего века» – в самом деле, в мирской жизни разве знают молчание? Там все основано на многоглаголении, там царствует язык, и злой язык, там люди живут шумно, говорливо, там постоянно есть стремление к тому, чтобы дать простор злословию, осуждению, клевете. Когда люди сходятся вдвоем, им неловко помолчать, они выдумывают темы для того, чтобы пустить в ход свой язык, они «занимают» друг друга. Молчание нестерпимо для людей, живущих внешней жизнью, наполняющих свою внутреннюю пустоту внешней трескотней и внешними впечатлениями, но там, в мире горнем, есть некое таинство бытия, для нас непостижимое, там царствует молчание, каковое и здесь, в минуты благоговения, в уединенных подвигах сподобились ощущать и переживать все наши подвижники.

Для того, чтобы не нарушать своего обета молчания, преподобный Серафим перестал ходить в монастырь. Раньше он ходил из своей пустыни к праздничным службам, а наложив на себя обет молчания, он перестал туда ходить вовсе. Раз в неделю ему приносил его послушник или хлеб, или капусту. Когда послушник приносил преподобному Серафиму это скудное пропитание, он выносил ему обратно посуду и давал знать, что принести в следующий раз, тем что оставлял в этой посуде или кусок хлеба, или немного капусты, это означало, что нужно ему принести в следующий раз – то или другое. Смиранный послушник, иногда в метели и вьюгу по снегу и сугробам, с трудом приходил в пустынь, неся преподобному Серафиму необходимое для его жизни.

Так, с внешней стороны, протекала жизнь преподобного Серафима в молчаливчестве.

Каков же был внутренний смысл этого подвига, поскольку сам преподобный Серафим раскрывает его. Вот что говорит он:

– Когда мы в молчании пребываем, тогда враг диавол ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании и разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость, действие сие сей последней в сердце человеческого можно уподобить тихой воде силов-амской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия – «воды, текущие тихо». Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве.

Всякому подвигу надлежит встретиться с врагом, это не подвиг, который вдруг был бы оставлен без вражеского нападения. Чем более велик подвиг, тем страшнее нападение. Самый робкий, самый первый шаг на пути духовной жизни и то встречает многообразные препятствия и самые неожиданные, самые злые нападения вражеские, но такие великие подвиги, естественно, влекут и великие нападения. О внутренних борениях, о том, что преодолел преподобный Серафим в этом молчании, кто знает, кроме Господа Бога. Ведь там чеканилась в этом молчании та драгоценность духа, которая потом была явлена миру преподобным, открывшим свой затвор.

Но мы знаем внешние злые нападения. Перед преподобным Серафимом поставили вопрос: на каком основании он не ходит в монастырь причащаться Святых Таин?

Собрали «собор» по этому делу и решили предложить ему ходить в монастырь по-прежнему. Раз пришел послушник и сообщил преподобному Серафиму постановление братии. Молча, ничего не ответив, выслушал это постановление преподобный Серафим и в монастырь не пошел. Снова повелел игумен повторить преподобному Серафиму это распоряжение, и, когда вновь сказал то же пришедший инок, преподобный Серафим молча последовал за ним в монастырь. И вот в 1810 году, после пятнадцати лет пустынножительства, преподобный Серафим вошел в ворота монастыря. Весь монастырь пришел в движение, это было событие для монастыря необычайное, но возросло еще больше общее изумление, когда преподобный Серафим в полном молчании, после службы прошел в покои игумена, а оттуда пошел в келлию, указанную ему, и там затворился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.